

Глава 5. Никто не достоин

Я убрал за собакой, а затем долго тёр руки мылом — спереди, сзади, даже под ногтями, — пока кожа не сморщилась, а мелкие царапины на ладонях не побелели. Только тогда я стряхнул воду и вернулся во двор.

Эр Цянь был надёжно привязан к колонне главного зала. Мо Чуань и разбитый горшок исчезли.

Нельзя же просто так уйти, разбив чужую вещь...

Поколебавшись, я шагнул в главный зал.

Сын Божий в белых одеждах сидел за низким столиком у статуи божества. На столе, как и в прошлый раз, лежали кисть, тушь, бумага и тушечница.

— Сколько стоит горшок? Я заплачу.

— Не нужно, он ничего не стоит, — ответил Мо Чуань, не поднимая головы.

В главном зале было довольно темно, даже днём приходилось включать свет. Но, видимо, чтобы не нарушать сакральную атмосферу храма современными деталями, даже электрическое освещение имитировало тёплый, оранжевый свет свечей, создавая первобытную и таинственную полутьму.

Я сел напротив него, скрестив ноги.

— Горшок разбила собака, но убежала она потому, что я её не удержал. Так что основная вина на мне. Я не хочу быть твоим должником. Скажи мне цену, или я отсюда не уйду.

Только тогда он поднял на меня глаза, но тут же снова опустил их, чтобы дописать недостающие черты иероглифа.

— Как угодно, — равнодушно бросил он.

Раз ему всё равно, то и мне тоже. Я сидел и смотрел, как он переписывает сутры. В конце концов, если мне не неловко, то неловко должно быть ему.

Телефон внезапно завибрировал. Я взглянул на экран: Цзян Бошу прислал сообщение, спрашивая, свободен ли я в субботу и не хочу ли сходить с ним в театр.

Рука после падения болела, а от холодной воды пальцы свело, так что печатать было неудобно. Я отправил ему голосовое.

— Я сейчас не в Хайчэне, уехал отдохнуть. Пригласи кого-нибудь другого.

У нас с Цзян Бошу был общий друг. Мы познакомились на одной из вечеринок. Он работал в известном рекламном агентстве, и хотя не был дизайнером, у нас нашлись общие темы. Так, слово за слово, мы и сблизились.

Я чувствовал, что нравлюсь ему. Он часто под разными предлогами звал меня поужинать или посмотреть футбол, но поскольку он не говорил ничего прямо, я делал вид, что ничего не замечаю.

Не прошло и нескольких секунд, как он позвонил.

Я нахмурился, глядя на вибрирующий телефон, и нажал на кнопку ответа.

— Куда это ты уехал? Раньше не говорил, — голос у Цзян Бошу, в отличие от его заурядной внешности, был очень приятным, с бархатными, обволакивающими нотками.

— В Шаньнань. Спонтанно решил. У меня тут друг детства, а у меня как раз выдалось свободное время, вот и приехал к нему.

— Когда планируешь вернуться?

Я тихо усмехнулся.

— Ты мне не парень, с чего такая забота?

Кончик кисти, замерший над бумагой, на долю секунды остановился, но тут же продолжил движение, не выдав ни малейшего волнения.

На том конце провода пауза затянулась. Наконец он смущённо проговорил:

— Я... я не это...

— Шучу, — прервал я его, смягчая тон и отвечая на предыдущий вопрос. — Может, через десять дней, а может, через месяц-другой. Как настроение будет.

— Отдохнуть и правда полезно. Вдали от интернета, вдали от суеты.

Понимая, что он настроен на долгий разговор, я поспешил его прервать:

— Да. Как вернусь в Хайчэн, сходим куда-нибудь. У меня тут дела, так что пока.

— А... хорошо, тогда до твоего возвращения, — в его голосе прозвучало явное разочарование.

Я уже собирался сбросить вызов, как поступил новый звонок. Абонент был ожидаемым, но оттого не менее неприятным. Поколебавшись, я всё же ответил.

— Алло...

— Бай Инь, даю тебе три секунды, чтобы сказать, где ты, — голос Хуанфу Жоу, холодный и твёрдый, совершенно не соответствовал её имени, но, по крайней мере, звучал спокойно.

— Дорогая, расслабься. Я в Шаньнане у друга, никуда я не пропадал, — усмехнулся я, пытаюсь её успокоить.

Хуанфу Жоу была моим деловым партнёром и, можно сказать, наполовину агентом. Все вопросы, не связанные непосредственно с дизайном ювелирных изделий, решала она.

В этот раз я приехал в Цюаньсун отчасти потому, что, как я и сказал Янь Чувэню, давно не отдыхал и хотел взять долгий отпуск. Но была и другая причина... и это долгая история.

У меня есть работа, которой я особенно горжусь, — «Сосновый лес и текущая вода». Это кольцо

из сотен аквамаринов и бриллиантов, имитирующих струящийся поток. В центре — подвеска в виде сосновой шишки, усыпанной бриллиантами.

Главный камень, словно укрытый лепестками, — необработанный изумруд весом более пятнадцати карат. Без огранки он напоминал нефрит, а его бледный цвет был похож на сосновый бор, проступающий сквозь туман.

На создание этого кольца ушло более трёх тысяч часов, из которых тысяча — только на инкрустацию шишки. В поисках подходящего изумруда я облетел несколько стран, где его добывают, и выбрал тот самый камень из тысячи других.

Эта работа не только принесла мне известность на выпускной выставке, но и позволила завоевать две главные награды на одном из самых престижных конкурсов в ювелирном мире — «Звёздный блеск» — за лучший дизайн и лучшую инкрустацию.

Это было моё триумфальное творение, мой ключ в пантеон ювелирного искусства. В последующие три года бесчисленное множество людей пытались купить его, но я ни разу не поддался искушению, какие бы суммы они ни предлагали.

Я не то что продавать — я даже носить его никому не позволял. Даже для съёмок оно предоставлялось только по строжайшему договору.

Поэтому, когда я увидел в сети, что Хан Цзяфэй появилась в моём колье на обложке последнего номера журнала MIMA, да ещё и попала в тренды за то, как оно ей идёт, я был ошеломлён.

Хан Цзяфэй — довольно известная в последние годы актриса. Её статус не позорил моё украшение, но... только не «Сосновый лес и текущая вода».

Как они могли надеть на неё «Сосновый лес и текущую воду»?!

До этого я несколько дней спал по три-четыре часа, мучаясь над эскизами, которые никак не получались. Недосып и ярость лишили меня рассудка. Я лично репостнул ту публикацию, сопроводив её язвительным комментарием.

«Она не достойна».

Мой аккаунт был верифицирован, так что сомневаться в подлинности не приходилось. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Вскоре мой Weibo атаковали фанаты Хан Цзяфэй, обвиняя меня в безответственности и требуя немедленно удалить пост и извиниться.

Мне как раз нужно было выпустить пар, и я выбрал несколько самых раздражающих комментариев для ответа.

«@Бай Инь Янн: Не достойна — значит, не достойна. С каких это пор мне нужно спрашивать у тебя разрешения, чтобы высказать своё мнение? //@СамаяМилаяСвинка: Что значит «не достойна»? Вы, как дизайнер, создали прекрасное кольцо, это здорово, но нельзя же так бросаться словами!»

«@Бай Инь Янн: Зачем мне хайп? Чтобы в кино сниматься? //@СокровищеФэй: Совсем с ума сошёл от желания прославиться? Отвали от неё, мерзкий тип!»

«@Бай Инь Янн: Есть и похуже — катись к чёрту! //@СиняяЛягушка: Как грубо. Думаешь, ты

создал что-то особенное? Моя Фэй оказала тебе честь, надев это!»

В разгар этой перепалки позвонила Хуанфу Жоу и объяснила, что произошло.

— Хан Цзяфэй давно хотела «Сосновый лес и текущую воду», даже пыталась купить, помнишь? Ты ей отказал. Потом она просила одолжить, но я слышала от людей в индустрии, что у неё властный характер, и, боясь проблем, я ей тоже отказала. Но в этот раз я допустила оплошность, не подумав, что она может действовать через МИМА, — с досадой сказала она. — Я говорила с Сяо Минь. Она сказала, что всё время следила за колье, отошла только в туалет буквально на две минуты. Они, должно быть, воспользовались этим моментом.

По-хорошему, нужно было отправить двоих, чтобы один мог остаться, пока другой отлучится. Но запрос был срочным, а на съёмках присутствовали уважаемые люди, так что Хуанфу Жоу не ожидала подвоха и отправила только одного ассистента.

В темноте я смотрел на обложку с Хан Цзяфэй на экране компьютера, глубоко затянулся и с раздражением затушил сигарету в пепельнице. Та уже была почти полной, хотя я не чистил её всего пару дней.

— Что с контрактом? Я подам на них в суд.

— Всё ещё жду, когда они его вернут... Главный редактор — моя подруга, так что я одолжила колье без формальностей. Это моя оплошность, я понесу всю ответственность.

Мы работали вместе четыре года, и это была её первая ошибка. Я знал, что она и без моих упреков съест себя заживо, но наказать её всё же стоило. В итоге я символически лишил её месячной зарплаты.

На следующий день, после ночи раздумий, Хуанфу Жоу опубликовала от имени студии официальное заявление. В нём кратко и ясно излагалась наша позиция: мы осуждали журнал МИМА за нарушение условий договора, в котором был прописан запрет на ношение колье любым лицом, и за то, что они позволили госпоже Хан Цзяфэй появиться в «Сосновом лесу и текущей воде» на обложке.

Вскоре и Хан Цзяфэй, и журнал ответили.

Хан Цзяфэй заявила, что не знала о нашем соглашении с журналом, а представитель моей студии, присутствовавший на съёмках, не возражал против того, чтобы она надела колье.

Журнал повёл себя ещё более бесстыдно, заявив, что не получал никакого контракта и, следовательно, не знал о запрете. Всё списали на «недопонимание и несвоевременную коммуникацию».

Было очевидно, что они сговорились.

Дело зашло в тупик, превратившись в «Расёмон», где у каждого была своя правда. Но их было двое против меня одного, и шансы были не в мою пользу. К тому же, Хан Цзяфэй наняла ботов, и все паблики в один голос твердили о моём высокомерии и женоненавистничестве. Вскоре в сети не осталось ни одного голоса, кроме тех, что проклинали меня.

С самого детства я привык, что последнее слово всегда за мной. Никто и никогда не мог заставить меня проглотить обиду.

Сдаться без боя? Невозможно.

Проведя ночь в раздумьях, я достал из сейфа «Сосновый лес и текущую воду», с нежностью провёл по нему рукой, а затем, схватив стоявшую рядом пепельницу, глазом не моргнув, со всей силы обрушил её на изумруд.

Изумруды — хрупкие камни, испещрённые трещинами. Он раскололся мгновенно. Вместе с деформированной сосновой шишкой он стал похож на раздавленный киви.

Я сфотографировал это и опубликовал пост с подписью:

«#Испачкали, больше не нужно#»

После этого словно прорвало плотину. Комментарии, личные сообщения — всё было завалено злыми проклятиями. Я больше не обращал на них внимания, удалил Weibo, позвонил Янь Чувэню и в ту же ночь купил билет в Шаньнань.

Так что, на самом деле, я приехал сюда, чтобы переждать бурю.

— Ты правда разбил «Сосновый лес и текущую воду»? — глухо спросила Хуанфу Жоу.

Улыбка на моих губах слегка померкла, а затем стала шире.

— Абсолютная правда. Можешь заехать ко мне домой и собрать останки.

Хуанфу Жоу долго молчала. Очевидно, новость её шокировала.

Мне было совестно оставлять её одну разбираться с этим шквалом ненависти, и мой голос стал мягче.

— Всё в порядке, они не смогут на меня повлиять. Тебе тоже не стоит...

— Бай Инь, оно того стоило? — в голосе Хуанфу Жоу слышалась усталость. — Украшения ведь для того и создают, чтобы их носили. Ты считаешь, что Хан Цзяфэй не достойна. А кто же тогда достоин? — Этот вопрос, видимо, давно зрел у неё внутри, и сегодня она наконец нашла возможность его задать.

Ляпис-лазурь в левом ухе Мо Чуаня в тёплом свете ламп отливала густым фиолетовым цветом. Ожерелье-чётки на нём было уже не то, что вчера. Сегодняшнее спереди выглядело как простая нитка жемчуга, а что было на спине, я не разглядел, но, скорее всего, что-то такое же сдержанное.

Его яркой внешности не шли простые украшения — чем роскошнее, чем расточительнее, тем лучше. Только так они могли дополнить друг друга, не теряясь на его фоне.

— Никто, — тихо сказал я.

— Так ты их для богов создаёшь, что ли? — Хуанфу Жоу чуть не рассмеялась от возмущения.

— Можешь считать и так. — Два этих звонка окончательно отбили у меня желание спорить с Мо Чуанем. Я встал, собираясь уходить. — Я скоро вернусь. Пока, дорогая, люблю тебя.

— Подожди...

Не дослушав, я сбросил вызов, убрал телефон в карман и направился к выходу, не собираясь прощаться с Мо Чуанем.

Едва я переступил порог, как за спиной раздалась два тихих, незнакомых и в то же время знакомых слога.

Я замер и недоверчиво обернулся.

— Что ты сейчас сказал?

Мо Чуань медленно скомкал лист бумаги в руке и спокойно посмотрел на меня, без малейшего смущения от того, что его поймали с поличным.

— Я сказал: «Счастливого пути», — произнёс он, не моргнув глазом.

Во мне всё закипело.

Чушь собачья! Ты же только что на языке цэнлу назвал меня «ветренным»!

<http://bllate.org/book/13443/1197029>